

ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ И ХЕРСОНЕС

EUROPEAN SARMATIA AND CHERSONESES

Римское военное присутствие в Херсонесе
О военных контактах между сарматами и германцами
Мужской и женский черняховский костюм
Клады ювелирных изделий позднелатенской Дакии
Металлические амулеты Северного Причерноморья
Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма
Позднескифский обряд многократных захоронений
Земледелие на черняховском поселении Войтенки I

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Д. А. Костромичёв (<i>Симферополь, Украина</i>). Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии)	15
Введение	16
Глава 1. Источники и историография	18
1.1. Источники	18
1.2. Историография изучения военно-политической истории римского военного присутствия в Херсонесе	37
1.3. Отечественная историография изучения археологических свидетельств римского присутствия в Херсонесе	42
1.4. Обзор зарубежной историографии материальной культуры римских войск.	43
Глава 2. Римское военное снаряжение	48
2.1. Детали наступательного и оборонительного вооружения.	49
2.2. Военный костюм	54
2.2.1. Поясная гарнитура.	54
2.2.2. Фибулы	74
2.2.3. Обувь	106
2.3. Детали конской сбруи	106
2.4. Амуниция.	109
2.4.1. Ярлыки	109
Глава 3. Основные этапы римского военного присутствия в Херсонесе	112
3.1. Первый этап. Эпизодические появления римских войск в Херсонесе (I в.)	112
3.2. Второй этап. Размещение постоянного римского гарнизона (первое десятилетие II — 30-е гг. II в.)	114
3.3. Третий этап. Римский гарнизон Херсонеса в 40-е гг. II — 50-е гг. III вв.	116
3.4. Четвертый этап. Римский гарнизон Херсонеса после эпохи «готских походов» (вторая половина III — первая половина V вв.)	119
Заключение	124
Приложение. Каталог находок римского военного снаряжения из Херсонеса.	130
Литература	155

МИРЫ. КУЛЬТУРЫ. ХРОНОЛОГИЯ

М. Б. Щукин . О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения)	167
О. В. Гопкало (<i>Киев, Украина</i>). Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями)	179

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Д. Спыну (*Бухарест, Румыния*). Ювелирное искусство в Дакии на рубеже эр (I в. до н.э. — I в. н.э.) 211
- А. А. Труфанов (*Симферополь, Украина*). Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. 225
- А. Е. Пуздровский (*Симферополь, Украина*). Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма. 271
- Г. В. Медведев (*Симферополь, Украина*). Позднескифский обряд многократных захоронений в могилах первых вв. н.э. 291

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- М. В. Любичев (*Харьков, Украина*), С. А. Горбаненко (*Киев, Украина*). Земледелие жителей поселения Войтенки 1 309
- Список сокращений. 317
- References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 319
- Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus» 331
- Requirements to contributions to *Stratum plus*. 335

М. Б. Щукин

О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения)¹

Keywords: Germans, Sarmatians, weapons, contacts, spears, umbones, daggers.

Cuvinte cheie: germani, sarmați, arme, contacte, sulite, umboane, pumnale.

Ключевые слова: германцы, сарматы, оружие, контакты, копья, умбоны, кинжалы.

M. B. Shchukin.

On the Issue of Military Contacts between the Germans and the Sarmatians in Roman Times (based on the studies of weapon).

The article deals with the archaeological evidence for military contacts between the Sarmatians and the Germans in Roman times. Prevalence of the Germanic spears with tamga signs may be explained by the fact that steppe nomads enjoyed high military prestige among the northern barbarians in the 1st—2nd centuries AD. In turn, the appearance of metal umbones on the shields in the material culture of the Northern Black Sea (Sarmatian antiquities, Tanais) indicates the spreading of the Germanic military civilization. The spreading of sharp-pointed umbones and daggers with a cutout in late Roman times may reflect the growing importance of hand-to-hand fighting in the Barbarian warfare.

M. B. Shchukin.

Despre contacte militare dintre germani și sarmați din epoca romană (în baza cercetărilor armamentului).

Articolul abordează dovezi arheologice ale contactelor militare dintre sarmați și germani din epoca romană. Răspândirea la germani a sulitelor cu semne de tip tamga se explică prin prestigiul militar înalt de care se bucurau nomazi de stepă printre barbari de nord din sec. I—II. Apariția umboanelor metalice pe scuturi în cultura materială a regiunii Mării Negre de Nord (antichități sarmațiene, Tanais), la rândul său, arată răspândirea pe acest teritoriu a civilizației germane militare. Răspândirea umboanelor cu vârful ascuțite și a pumnalelor cu o scobitură în epoca romană târzie poate indica la creșterea rolului luptei corp la corp în arta militară a barbarilor.

М. Б. Щукин.

О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения).

В статье рассматриваются археологические свидетельства военных контактов сарматов и германцев в римское время. Распространение у германцев копий с тамгообразными знаками объясняется высоким воинским престижем степных кочевников у северных варваров в I—II вв. н.э. Появление металлических умбонов щитов в материальной культуре Северного Причерноморья (сарматские древности, Танаис), в свою очередь, свидетельствует о распространении здесь германской воинской культуры. Распространение остроконечных умбонов, а также кинжалов с вырезом в позднеримское время может свидетельствовать о возрастании роли индивидуального рукопашного боя в военном деле варваров.

¹ Этот доклад М. Б. Щукина был представлен на коллоквиуме «Римская армия и варвары с III по VII вв.», состоявшемся в Музее национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ 24—28 февраля 1990 г. Доклад был опубликован под названием: «À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et

les lances). In: F. Vallet, M. Kazanski (dir.), *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle (Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne, tome V)*: Saint-Germain-en-Laye, 1992, 323—333. Представленный здесь текст — это обратный перевод с французского языка, сделанный М. М. Казанским, поскольку русский оригинал доклада не сохранился.

Металлические умбоны и рукояти щитов практически нигде не известны в степной зоне от Дуная до Великой китайской стены. По всей очевидности, умбоны, впервые появившиеся на Западе, не были адаптированы к приемам боя степных воинов античности и средневековья. Разумеется, скифы пользовались легким щитом для защиты от стрел, но он не имел металлического умбона и в бою помещался на плече, чтобы руки оставались свободными. Ираноязычные сарматы, катафрактары и конные лучники, не применяли щитов с умбоном, их руки во время боя были заняты копьем или луком. Не использовали степные кочевники и еще одно европейское изобретение — шпоры, которые полностью отсутствуют в степном контексте. Скорее всего, степняки управляли лошадью с помощью плети или шенкелями. Итак, можно констатировать, что степной мир имел свои собственные традиции конного боя, отличные от европейских.

Что касается европейских воинов, то галлы с IV в. до н.э. использовали большой щит с удлиненным по вертикали умбоном, принятый позднее на вооружение, в облегченной версии, в римской армии. Начиная с I в. до н.э. щиты с круглым умбоном вытесняют галльский щит. Эти новые щиты, по крайней мере, у варваров, становятся меньше и легче, а на умбоне иногда появляется шип. Такой щит менее эффективен при защите от копий и стрел, чем большой галльский, но зато он удобнее в ближнем бою, в частности, им удобнее парировать и даже наносить удары. Появление нового типа щита, а также широкое распространение шпор совпадают по времени с ростом военной активности германцев. Сейчас, правда, трудно сказать, кто именно — кельты или германцы — изобрели малый щит и шпоры, но во всяком случае, круглые умбоны и шпоры особенно часто встречаются в германском погребальном контексте.

Римская армия также принимает на вооружение щит с круглым умбоном, чаще всего из бронзы, но, в отличие от германских, римские умбоны не имеют шипа, они полусферической формы. Видимо, римские солдаты не использовали «варварскую» технику боя, а продолжали воевать в сомкнутом строю.

Все вышеизложенные факты хорошо известны, и можно понять удивление автора, когда в 1962 г., во время раскопок «княжеского» сарматского кургана Садовый, у Новочеркасска, на Нижнем Дону, мы нашли, помимо серебряных сосудов и золотых фалер, украшенных бирюзой, также железный умбон щита с высокой конической калоттой (рис. 1: 1) (Raev 1986: pl. 1: 2). Еще один умбон в сар-

матском контексте был найден спустя 20 лет, снова в нижнедонском «княжеском» кургане, в Высочино, погр. 28 (рис. 1: 2). Он находился в тайнике, где, помимо умбона, находились также два серебряных сосуда — тазик и кувшин (Raev 1986: 77, 78, pl. 64: 1; 65: 5; 66: 1; 68: 1).

Оба погребения датируются серединой или второй половиной I в.н.э., но умбоны из них несколько более древние, первой половины — середины I в.н.э. В типологии М. Яна (Jahn 1916) они соответствуют типам 4-С (Садовый) и 5 (Высочино). Маловероятно, чтобы эти умбоны были реально в боевом использовании у сарматов. Однако степняки их сохраняли и даже включили в состав «княжеского» погребального инвентаря.

Каким же образом германские (или кельтогерманские) щиты с умбонами попали на Дон, в самое сердце сарматского мира? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо по письменным и археологическим источникам реконструировать этнополитическую ситуацию в Северном Причерноморье и в Центральной Европе в середине I в.

Эта эпоха характеризуется мощным прорывом сарматов на Запад. Сопоставление данных Страбона (VII.3.17, VII.7.4, VII.17, XI.5), который закончил свою «Географию» к 18 г.н.э., с информацией Плиния (IV.80—83), умершего в 79 г.н.э., показывает изменение локализации различных сарматских племен. Стало быть, миграция сарматов имела место во времени где-то между 18 и 79 г.н.э. (рис. 2) (Щукин 1989: 74—76).

Об этой миграции свидетельствует и археологический материал. В первую очередь отметим для Молдавии резкое увеличение числа сарматских погребений второй половины I в.н.э. по сравнению с предыдущей эпохой. В то же время сарматские погребения появляются в Среднем Поднепровье, на территории, ранее занятой оседлым населением зарубинецкой культуры. Проникновение сарматов в Поднепровье сопровождается следами пожаров на городищах зарубинецкой культуры и присутствием сарматских трехлопастных стрел в слоях пожаров. Далее к югу, на Нижнем Днепре, в это время поспешно возводятся новые укрепления на позднескифских укрепленных поселениях. Наконец, самые ранние сарматские погребения, времени около середины I в.н.э., появляются на Венгерской равнине (Щукин 1989: 70—83, там же библиография).

Три эпизода, о которых свидетельствуют древние авторы, позволяют нам уточнить картину сарматского продвижения на Запад.

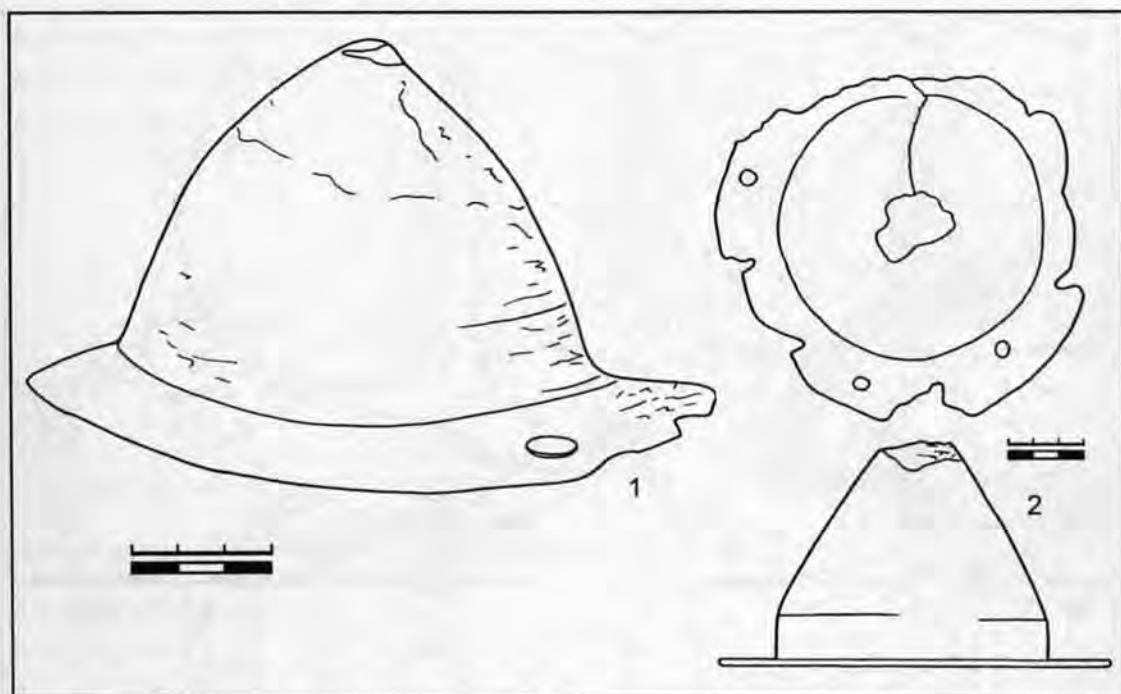

Рис. 1. Умбоны из курганов Садовый (1) и Высочино (2).

Fig. 1. Umbones from the tumuli Sadoviy (1) and Vysochino (2).

О первом сообщает Тацит (Анналы, XII.15—21) — это известия о событиях на Северном Кавказе и Боспоре Киммерийском.

В 45 г.н.э. император Клавдий узнает об опасных антиримских планах боспорского царя Митридата VIII. Реакция Рима молниеносна: римские части неожиданно высаживаются в столице царства, Пантикапее. Митридат спасается бегством, и его младший брат Котис, который и выдал замыслы Митридата императору, становится боспорским царем. Но Митридат собирает своих сторонников, его поддерживает сарматский народ сираков, занимавший северокавказские степи. А тем временем большая часть римского экспедиционного корпуса отозвана с Боспора во Фракию, так что в распоряжении римского генерала Юлия Аквилы в Пантикапее остаются лишь собственно боспорские войска, усиленные несколькими римскими когортами. В этой трудной ситуации Аквила заключает союз с сарматами-аорсами, старыми врагами сираков. Армия Митридата и его союзники разбиты. Наличие римских осадных машин позволило сокрушить крепости сираков, в частности Успу, осада которой описана Тацитом. Митридат сдался аорсам и был отправлен в Рим.

Все эти события произошли в 49 г.н.э. и, видимо, послужили одной из причин сарматской миграции на Запад. Согласно Плинию, сираки теперь оказываются в Крыму,

а не на Кавказе, как во времена Страбона. Аорсы же зафиксированы Плинием на Нижнем Дунае и «на близлежащем морском побережье», то есть в междуречье Днестра и Дуная. Здесь же в это время впервые в истории появляются аланы.

Второй эпизод связан с греческим городом Ольвия, в дельте Южного Буга и Днепра. Здешние события плохо освещены письменными источниками, но они могут быть реконструированы по археологическим и нумизматическим данным. По эпиграфическим свидетельствам, ольвиополиты были союзниками Митридата. В 49 г.н.э. Ольвия начинает чеканить новую монету с именем царя Фарзоя. Это имя иранского происхождения, и вполне возможно, что в 49 г. Ольвия перешла под контроль какого-то сарматского предводителя. Следует также отметить, что на монетах Фарзоя появляется родовой знак какого-то племени или клана (рис. 3: 23), «тамга», если использовать принятое для их обозначения тюркское слово. Такие знаки особенно были распространены у сарматов. Все знатные фамилии и кланы имели свою собственную тамгу, с незначительными персональными модификациями для каждого их члена. Распространение монет Фарзоя, а также вещей, украшенных его тамгой, позволяет наметить контуры его царства — от Днепра на востоке до Прута на западе и от побережья Черного моря на юге до линии, маркируемой со-

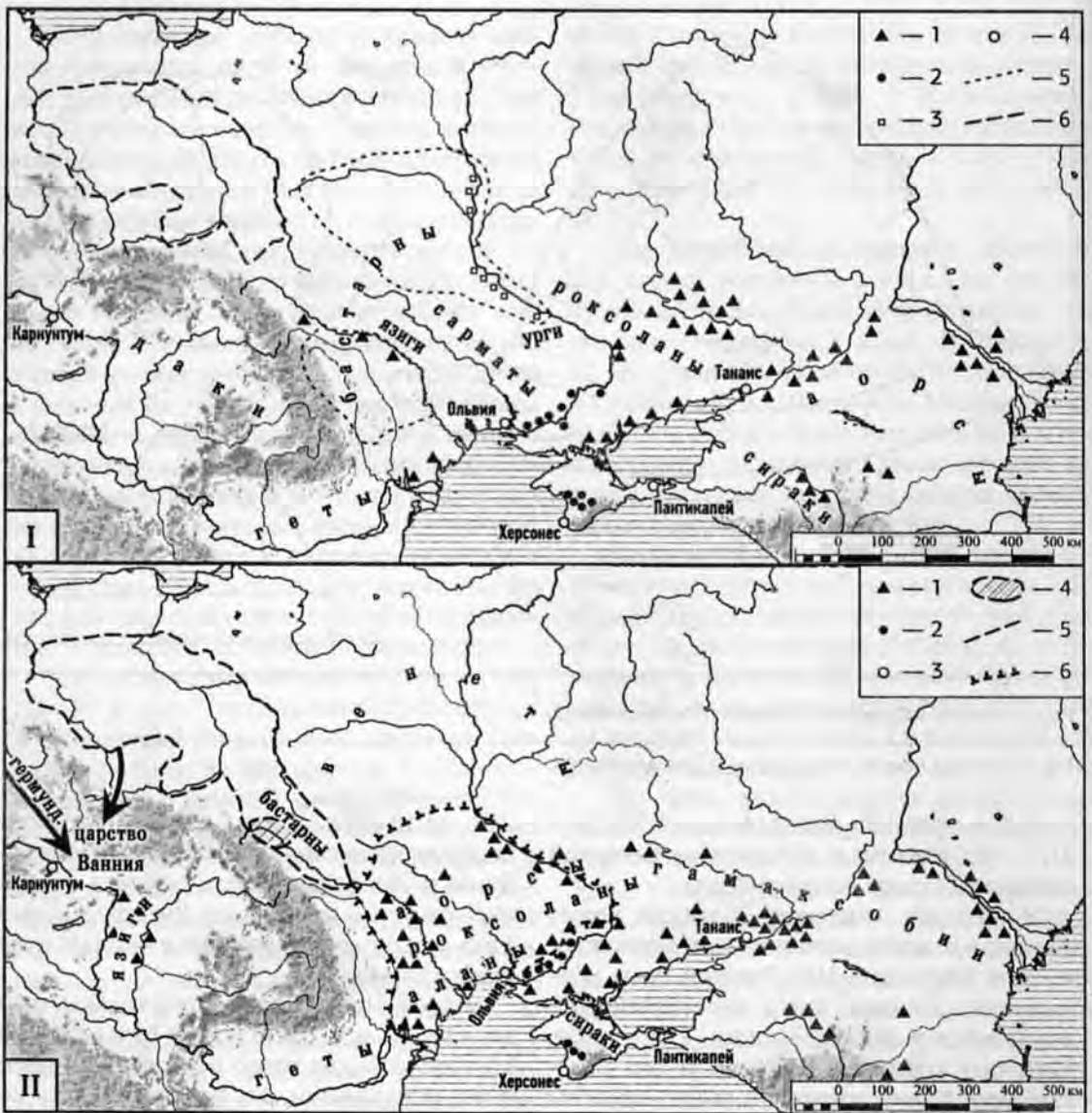

Рис. 2. Территория сарматов по Плинию, Страбону и Тациту и археологические памятники Восточной Европы. I. По Страбону (18 г.н.э.). 1 — основные сарматские памятники; 2 — позднескифские городища; 3 — зарубинецкие городища; 4 — античные города; 5 — территории культур зарубинецкой и Поенешти-Лукашевка; 6 — территория пшеворской культуры. II. По Плинию и Тациту (50—70 гг.н.э.). 1 — основные сарматские памятники; 2 — позднескифские городища; 3 — античные города; 4 — территория звенигородской группы; 5 — территория пшеворской культуры; 6 — гипотетическая территория царства Фарзоя.

Fig. 2. The Sarmatian territory according to Pliny, Strabo and Tacitus and archaeological sites in Eastern Europe. I. According to Strabo (18 AD). 1 — the principal Sarmatian monuments; 2 — late Scythian settlements; 3 — settlements in Zarubintsy; 4 — the ancient towns; 5 — the territories of the cultures Zarubintsy and Poeneshi-Lukashevka; 6 — the territory of the Przeworsk culture. II. According to Pliny and Tacitus (50—70 AD). 1 — the principal Sarmatian monuments; 2 — late Scythian settlements; 3 — ancient towns; 4 — the territory of Zvenigorod group; 5 — the territory of the Przeworsk culture; 6 — the hypothetical territory of the kingdom of Farzoy.

временными городами Бердичев и Тернополь на севере. Монеты Фарзоя и наследовавшего ему Иненсимея чеканятся в Ольвии до 82 г.н.э. (рис. 3: 8) (Каришковский 1962; Карышковский 1982; 1982а; Щукин 1982).

Наконец, третий эпизод, рассказанный Тацитом (Анналы, XII, 29—30), наиболее важный для нашей темы, имел место в истории

Центральной Европы. В 50 г.н.э. королевство квадов под началом Ванния, находившееся на территории современной Словакии, атаковано родственниками квадов, гермундурами и лугиями. Ванний обращается за помощью к сарматскому народу языгов. Видимо, в контексте этих событий языги и закрепляются на территории между Тисой и Дунаем, где их

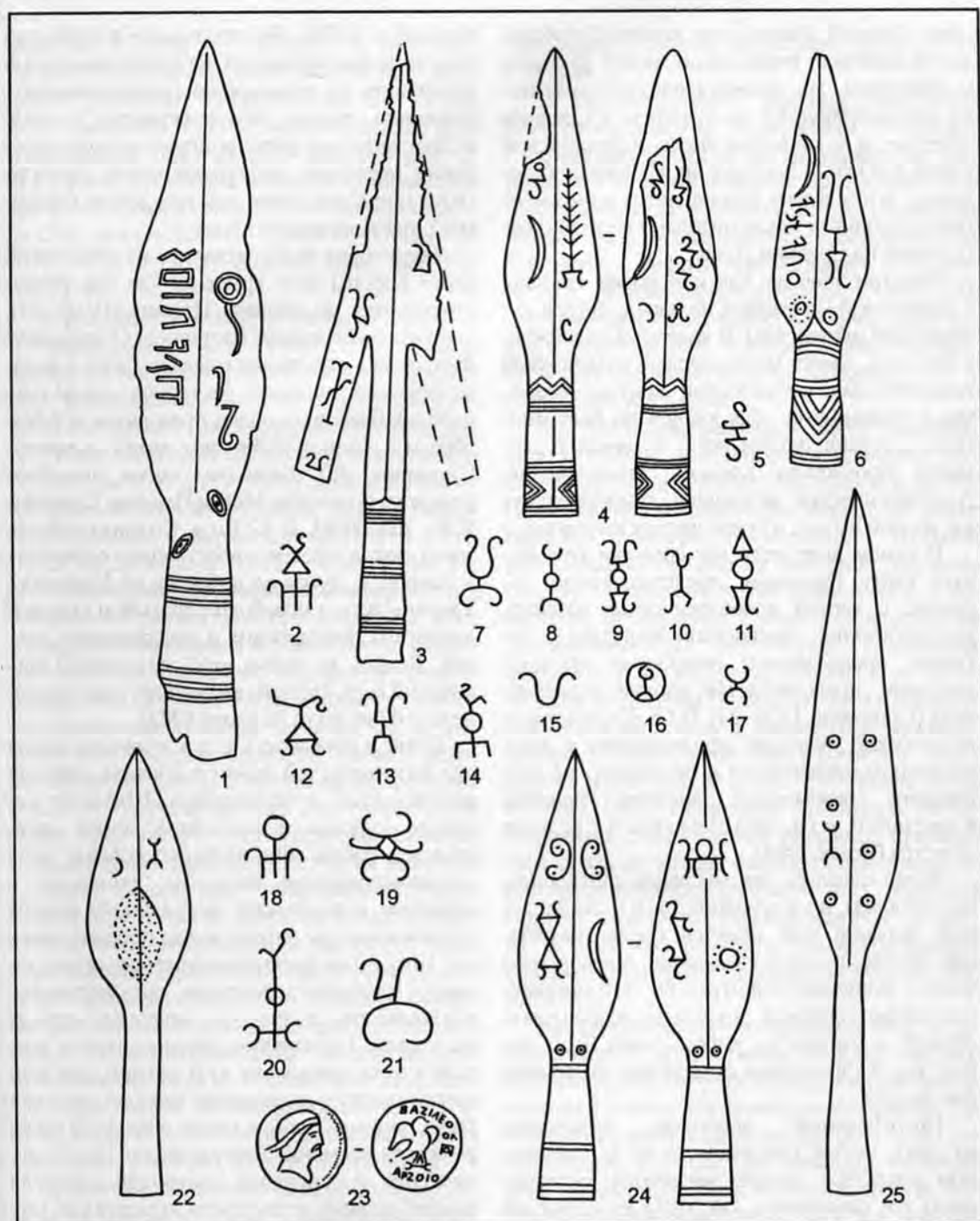

Рис. 3. Сарматские знаки на наконечниках копий и их параллели. 1 — Сушично; 2 — Пантикапей (пряжка со знаком царя Тиберия Евпатора, 154—170 гг.); 3 — Розвадув (Rozwadów); 4 — Жадовице (Żadowice); 5 — Еланская (Кубань, бронзовый котел); 6 — Мюнхеберг-Дамсдорф (Müncheberg-Dahmsdorf); 7 — Задрость (регион Тернополь, каменная плита); 8 — знак на монете царя Иненсмей; 9, 11, 17 — Рашава-Драгана (Болгария, знаки на навершии меча из всаднической могилы); 12 — Ольвия (знак на статуе льва); 13 — Ак-Кая (Крым, на стенке могилы); 14, 18, 19, 20 — Пантикапей (каменная плита); 15 — Скалистое (на стенке могилы); 16 — Грушка (Молдова, фалар из сарматского погребения); 22 — Валле (Valle); 23 — монета царя Фарзоя (знак в когтях птицы); 24 — Врзеśnia (Września); 25 — Бодзаново (Bodzanowo).

Fig. 3. Sarmatian signs on the spearheads and their parallels. 1 — Sushichno; 2 — Panticapaeum (buckle with the sign of the king Tiberius Eupator, 154—170); 3 — Rozwadów; 4 — Żadowice; 5 — Elanskaya (Kuban, bronze cauldron); 6 — Müncheberg-Dahmsdorf; 7 — Zadrost (region Ternopol, stone flag); 8 — sign on the coin of the king Inensmey; 9, 11, 17 — Rashava-Drägana (Bulgaria, signs on the sword handles in the grave of an equestrian); 12 — Olbia (sign on the statue of a lion); 13 — Ak-Kaya (the Crimea, on the wall of the grave); 14, 18, 19, 20 — Panticapaeum (stone flag); 15 — Skallistoe (on the wall of the grave); 16 — Gruska (Moldova, falar from the Sarmatian grave); 22 — Valle; 23 — coin of the king Farzoy (sign in the talons of a bird); 24 — Września; 25 — Bodzanowo.

знает Плиний. Ранее, если верить Страбону, языги занимали территорию между Днепром и Днестром. Их археологические памятники концентрируются на Верхнем и Среднем Днестре, и, в меньшем числе, в Буджакской степи, в Южной Бессарабии. Начиная с середины I в. н. э. языги упоминаются в письменных источниках исключительно в связи с событиями на Среднем Дунае.

Эти три эпизода, так или иначе, связаны с сарматской миграцией на Запад, детали которой нам неизвестны. В ходе этой подвижки, в 50 г. н. э., имеет место первый отмеченный письменными источниками контакт сарматов с германцами. Для квадов он был мирным, с гермундурами же и лугиями у сарматов произошло военное столкновение. Археологические источники свидетельствуют, на мой взгляд, о более частых контактах.

В самом деле, если мы сравним этническую карту Германии, представленную Тацитом, с картой археологических культур, то соотношение пшеворской культуры с лугиями, предложенное польскими исследователями, представляется вполне оправданным (Godłowski 1976: 29). В I в. н. э. носители пшеворской культуры продвигаются в юго-восточном направлении и проникают на территорию современной Западной Украины, в частности, в бассейн Верхнего и Среднего Днестра (Козак 1984).

Когда началась эта миграция пшеворцев, мы не знаем, но в середине I в. н. э. на Западной Украине уже имеется серия погребений по обряду трупосожжения, пшеворского типа, с фибулами Альмгрен 68. Эти погребения также содержат ритуально испорченное оружие, в частности, умбоны типа Ян 5, такие, как в сарматском погребении Высочино (см. выше).

Погребальный инвентарь некоторых из этих могил свидетельствует о смешанном характере группы населения, оставившего эти памятники. Так, одна из кремаций (Звенигород-Гоева гора, погр. 8), в лощеной урне пшеворского типа, была закрыта обломками лепного дакийского сосуда. В этом же погребении были найдены шпоры, копье, нож, сарматский меч с кольцевым навершием, лезвие которого было согнуто, согласно пшеворским погребальным обычаям (Козак 1984: 87, рис. 36: 25). Есть разные точки зрения на культурную принадлежность днестровских трупосожжений. Одни их связывают с гето-дакийской липицкой культурой, другие относят их к пшеворской культуре, наконец, третьи их выделяют в отдельную звенигородскую группу (Свешников 1957; Козак 1982;

Kropotkin 1976). Недостаточное количество памятников не позволяет, на мой взгляд, точно установить их культурную принадлежность. Очевидно, однако, что в середине I в. н. э. в Днестровском регионе существовало население, имеющее культурные черты пшеворского происхождения, так или иначе связанное с германцами-лугиями.

Территория этого населения на этнической карте Европы того времени, как она реконструируется по данным Плиния (IV,80, 81), соответствует землям бастарнов. О контактах бастарнов с сарматами говорит Тацит. Он даже отмечает по поводу бастарнов: «из-за смешанных браков их облик становится всё более образнее и они приобретают черты сарматов» (Германия, 46). Упомянем также эпитафию римского правителя Мёзии Плавтия Сильвана (CIL, XIV,3608). В 62 г. н. э. Сильван организовал поход против «восставших сарматов» и скифов. С Дуная он добрался до Херсонеса Таврического и освободил братьев и сыновей дакийских, бастарнских и роксоланских вождей. Кстати, во время этой экспедиции ольвийский царь Фарзой прекращает чеканку монеты с 62 по 69 гг. (Шукин 1982).

Итак, в середине I в. н. э. сарматы имели ряд возможностей войти в контакт, мирный или военный, с германцами. Щиты из Садового кургана и Высочина могли представлять собой либо военную добычу, либо «дипломатические подарки», попавшие к сарматам в результате ритуального обмена оружием между варварскими предводителями. Последнее предположение мне представляется наиболее вероятным, хотя истинного ответа на этот вопрос мы, наверное, никогда не узнаем. Германские щиты попали в донские степи, поскольку этот регион, где концентрируются сарматские «вождеские» могилы, занимал особое место в кочевой степи римского времени. Это, вероятно, был политический и культовый центр, где хоронили вождей разных, в том числе отдаленных, сарматских племен.

Среди германцев, вошедших в контакт с сарматами, фигурируют народы, проживавшие далеко от понтийского региона. Об этом свидетельствует, например, копье из Валле (Valle) в Норвегии (Herteig 1955: h. 9, 10, fig. 3), со знаком, очень напоминающим тамгу Фарзоя (рис. 3: 22). Отметим, что копье не сарматское, а, несомненно, германского типа, хорошо известного в пшеворских древностях (Kaczanowski 1988: 59—61, гус. 3: 1). Оно датируется периодом B2 (70—150/180 гг.), согласно хронологии европейского Барбарикума по Х.Ю. Эггерсу и К. Годловскому, то есть

№4. 2011

недалеко отстоит по времени от вышеописанных событий середины I в. н. э. Еще одно копье происходит из погребения 19 в некрополе Бодзаново (Bodzanowo), в Польше, принадлежащем пшеворской культуре (рис. 3: 25). Находка эта более позднего времени, скорее всего, самого конца C1a — начала периода C1b, то есть 220-х — 230-х гг. (Godłowski 1970: pl. II: 28; XXII; Zielonka 1958: 369, 370, гус. 72: f).

Маркоманские войны между Империей и германцами в 160-х—180-х гг. послужили причиной новых контактов между сарматами и германцами. Сарматы Венгерской равнины выступают как союзники то германцев, то Рима. Немецкие археологи предполагают, что именно в эту эпоху римская конница принимает на вооружение спаты с навершием рукояти в форме кольца (Hundt 1952; Hundt 1955; Raddatz 1961; Werner 1966: 17, 18). Однако римское кольцевое навершие отличается от сарматских прототипов. У него кольцо, расширенное в верхней части, а нижняя часть иногда имеет подпрямоугольную форму. Эти римские мечи иногда попадают и в варварские могилы. Один из них встречен и у понтийских сарматов, снова в регионе Нижнего Дона, в одном из погребений конца II — начала III в., в Ростове-на-Дону (Raev 1986: pl. 51: 1). Конкретная функция кольцевидного навершия остается неясной. Служило ли оно для прикрепления темляка или просто было данью воинской моде? Кстати, мода изменчива, и западные мечи с кольцевым навершием сравнительно многочисленны. И. Вернер обратил внимание на одно интересное свидетельство военных сармато-германских контактов: это металлический сосуд из Химлинглоэ (Himlingløe), в Дании. На нем изображены персонажи, вооруженные кинжалами с кольцевым навершием рукояти (Werner 1966: Abb. 6).

Сражения Маркоманских войн происходили на Среднем Дунае. Однако, как показал К. Годловский, разные народы Северной и Центральной Европы, *Barbari Superiores*, приняли участие в этих событиях (Godłowski 1984). Военные действия на Среднем Дунае совпали с миграциями этих варваров, в частности, с передвижениями носителей вельбаркской культуры с территории современного Польского Поморья на юго-восток, в бассейн Вислы и Западного Буга (Wolągiewicz 1986). Итак, Маркоманские войны послужили прелюдией событий III в., таких как продвижение готов к Черному морю, «скифские» войны на Балканах, падение лимеса Реции под натиском аламаннов, участие

германцев в борьбе галльских узурпаторов с Римом.

В ходе миграции к Черному морю готы неизбежно должны были войти в контакт с сарматами. Действительно, сарматские народы в это время владели понтийской степью. На карте Птолемея (II в. н. э.) Восточная Европа так и называется — «Европейская Сарматия». Иордан рассказывает о войне готов с некими Spalae (Иордан, *Getica*, 28), а у Плиния (VI.22) известен сарматский народ с таким именем. Наконец, аланы участвуют в готском нашествии на Балканы в 242 г. (*Vita Gord.*, XXXIV.4).

Мы не будем разбирать здесь сложнейшую проблему археологических следов готского присутствия на юге Восточной Европы. Отметим только появление носителей вельбаркской культуры, пришедших с территории Польши, сначала на Западной Украине, точнее, на Вольни, затем далее к югу, в лесостепи, от бассейна Сейма в Днепровском Левобережье до территории Румынской Молдовы. В то же время, в конце II — начале III вв. в Среднем Поднестровье и в верхнем течении Южного Буга появляются изолированные воинские, в том числе пшеворской культуры (Szczukin 1981; Козак 1985; Smiszko 1932; Dąbrowska, Godłowski 1970). Возможно, с этой волной миграции, пришедшей с северо-запада, связаны слои разрушений и пожаров практически во всех греческих городах Северного Причерноморья, а также на скифских городищах Нижнего Днепра и Крыма (Античные государства 1984: 28, 46, 57 и т. д.).

Как результат этой миграции, в III в. устанавливается контактный коридор между Южной Прибалтикой и Северным Причерноморьем. По нему распространяются на юг северные предметы, такие как фибулы монструозо (иногда в русских публикациях называемые «чудовищными»), железные гребни, янтарные грибовидные подвески и т. д., а на север идут южные вещи, например, стеклянные кубки Ковалк со шлифованным декором (Щукин 1979; Werner 1988)².

² Интересно отметить, что в то же время население бассейна Днепра установило контакты с Восточной Прибалтикой, благодаря чему украшения с выемчатыми красными эмалью одновременно распространяются в Прибалтике и на Днепре. Распространение эмалей свидетельствует о неких балто-финно-славянских контактах. Иногда эти эмали попадают и к сарматам. (См. Корзухина 1978; Гороховский 1982; 1982а; 1982б; Щукин 1988).

Что касается взаимных сармато-германских влияний в области военного дела, то снова привлекают внимание копья, украшенные рунами и другими магическими знаками, сделанными в технике дамаскировки (рис. 3) (Kossinna 1905). Большая их часть найдена в Скандинавии и в Польше, на территории пшеворской культуры. По П. Качановскому эти копья датируются в основном периодом C1a, то есть 150/180—220/230 гг. (Kaczanowski 1988). Это время начала готской миграции к Черному морю. Знаки на копьях из Розвадува, Жадовице, Вжесни, Мюнхеберг-Дамсдорф (Rozwadów, Żadowice, Września, Müncheberg-Dahmsdorf) напоминают сарматские тамги (рис. 3: 1, 3, 4, 6, 24), хотя и сложно им подобрать прямые параллели (См. корпус сарматских знаков: Драчук 1975). Кажется, значение германских рун и сарматских знаков было сравнимым. Напомним, что сарматские тамги были не просто владельческими знаками или эмблемами кланов и племен. Их изображение, как и в случае с германскими рунами, было способом магической реализации того, что у сарматских народов называлось «фарн»: удача, счастье (Литвинский 1967). Небезынтересно заметить, что когда удача, так сказать, оставила сарматов, и они были побиты в Северном Причерноморье готами, копья с магическими знаками, имитирующими сарматские, вышли из моды у германцев. Действительно, закрытые комплексы периода C2, то есть начиная с 260-х—270-х годов, больше не содержат копий с магическими сарматскими знаками (Kaczanowski 1988).

Некоторые умбоны, найденные в понтийском регионе, также могут свидетельствовать о продвижении северных варваров в сарматские степи в III в. Два типа умбонов, широко распространенных у восточных германцев, представляют особый интерес: тип Конин (Konin) с конической калоттой и цилиндрическим выступом на конце и тип Хоруля (Chorula) с полусферической калоттой, украшенной бутонем (рис. 4).

По хронологии, установленной К. Годловским для пшеворских погребений с оружием, умбоны типа Конин принадлежат горизонту 2, в общих чертах соответствующему периоду C1a хронологии европейского Барбарикума (примерно 150/180—220/230 гг.), а умбоны типа Хоруля типичны для горизонта 2a, то есть для периода C1b (около 220/230—260/270 гг.) (Godłowski 1970: 12, 13, pl. II: 21, 44, 46, XI: 27, XVIII: 29, XXII: 26, 29b).

Один умбон типа Конин был найден в Танаисе, в слое разрушения города в се-

редине III в. (рис. 5: 9) (Kropotkin 1976: Abb. 18, 1). Два умбона типа Хоруля происходят из того же слоя (рис. 5: 10, 11) (Арсеньева, Науменко 1987: рис. 3: 4, 5). Еще один умбон этого типа был обнаружен на скифском поселении Южно-Донузлав в Западном Крыму (рис. 5: 8). Оно также было разрушено в середине III в. (Kropotkin 1976: Abb. 19: 1)³. Наконец, следует упомянуть четвертый умбон, также найденный в Танаисе. Он имеет высокую коническую калотту (рис. 5: 12). Умбоны такого типа в Центральной Европе известны в период C1a, но в целом они, скорее, типичны для предшествующего времени (Kropotkin 1976: Abb. 18: 2; ср. Godłowski 1970: pl. II: 24; X: 17, XIII: 8).

Умбоны Танаиса весьма своеобразны, их диаметр равен 12—16 см, в то время как обычно умбоны имеют диаметр 18—20 см и больше. Может быть, стоит в связи с этим вспомнить свидетельство Иордана о легком оружии герулов (Иордан, *Getica*, 261), германского племени, которое, по тому же Иордану (*Getica*, 117, 118), обитало, по крайней мере в IV в., около Азовского моря, возможно, в районе Танаиса.

Нашествие северных варваров привело к радикальному изменению этнокультурной ситуации на юге Восточной Европы. В это время возникают три новые культуры:

— киевская, в южной части лесной зоны Поднепровья, принадлежавшая предкам славян;

— черняховская в зонах степи и лесостепи на огромной территории от Трансильвании на западе до Донца на востоке, связанная с присутствием готов в понтон-дунайском регионе;

— так называемые памятники типа Инкерман в Юго-Западном Крыму, где доминируют скифо-сарматские элементы.

Эти культуры гетерогенны по происхождению, но все три включают в себя элементы, привнесенные северными варварами. В киевской культуре эти элементы немногочисленны, отметим в качестве примера шпоры пшеворского происхождения (см., напр.: Терпиловский 1985: рис. 10: 44). Зато вклад вельбаркского и пшеворского элементов в формирование черняховской культуры очень велик, последняя, впрочем, абсорбировала и скифо-сарматские компоненты⁴. Некрополи типа

³ Умбон опубликован без бутоня на калотте, но, по информации крымских коллег, он там присутствовал.

⁴ Сарматские могилы III в. еще встречаются на черняховской территории в эпоху формирования

№4. 2011

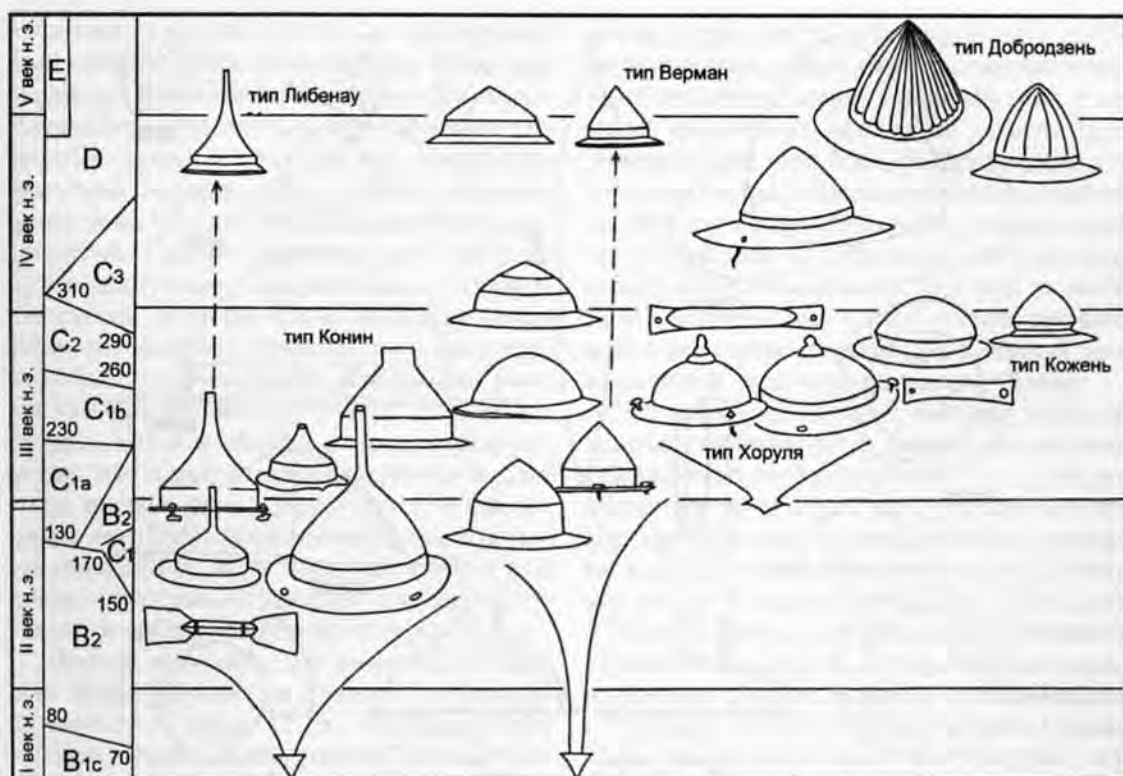

Рис. 4. Хронология северных и центральноевропейских умбонов (по Godłowski 1970; Kazanski 1988).

Fig. 4. The chronology of Northern and Central European umbones (according to Godłowski 1970; Kazanski 1988).

Инкерман имеют мало северных черт, это в основном отдельные вещи, в то время как в погребальном обряде явно преобладают черты автохтонного, скифо-сарматского происхождения⁵. Однако в этом регионе два небольших некрополя с кремациями, Ай-Тодор (Харакс) и Чатыр-Даг, имеют параллели в материалах Северной Европы. Эти два могильника появляются в начале IV в. и, видимо, принадлежат варварам-федератам, расселенным в стратегических точках крымского побережья императором Константином. Культура этих варваров имеет достаточно космополитичный характер (см. Блаватский 1951; Мыц 1987; Орлов 1987).

Что касается вооружения населения понтийского региона в позднеримское время,

этой культуры (см. Гудкова, Фокеев 1984; Гороховский 1987). Позднее, в IV в., сарматские могилы исчезают, видимо, по причине слияния сарматов и германцев.

⁵ Некрополи типа Инкерман занимают территорию Юго-Западного Крыма, где позднее, в VI в., Прокопий Кесарийский локализует готскую страну Дори (*De aedificiis*, III, VII.13). Местная цивилизация VI в., представленная некрополями типа Суук-Су, восходит к древностям инкерманского типа. Поэтому можно предположить, что крымские готы были культурно ассимилированы автохтонным населением (см. Айбабин 1987).

его эволюция, видимо, проходит так же, как и в других регионах Европы. Рассмотрим, в качестве примера, всё те же умбоны цитов. Разумеется, наш обзор носит сугубо предварительный характер, поскольку детальная типология позднеримских умбонов в Восточной Европе пока не сделана.

Но можно заметить, что у варваров опыт войн с Римом в III в. имел важные последствия для эволюции их вооружения. В частности, в горизонте 2а воинских погребений пшеворской культуры появляются уже упоминавшиеся умбоны типа Хоруля, вполне римского облика (Godłowski 1970: pl. II: 45, 46; V: 12; XI: 26, 27; XII: 29; XIV: 32; XVIII: 27, 29). Вполне возможно, что варвары восприняли и римскую технику боя. Этому могло способствовать присутствие в их рядах мятежных легионов Марина Пакатиана, перешедших на Дунае к варварам в 248—249 гг. (Иордан, *Get.*, 90, 91; Зосим, I.20). Новый тип умбона, Кожень (Korzen), с полусферической калоттой, имеющей каннелюру у основания, появляется у германцев в период C2, то есть в течение последней трети III — начале IV вв. (рис. 4) (Godłowski 1970: pl. III: 1, 3; V: 15, 33, 34, 61). Один умбон типа Кожень был найден и в сарматской могиле, в Виноградовке, в Молдавии. Это одно из наиболее поздних

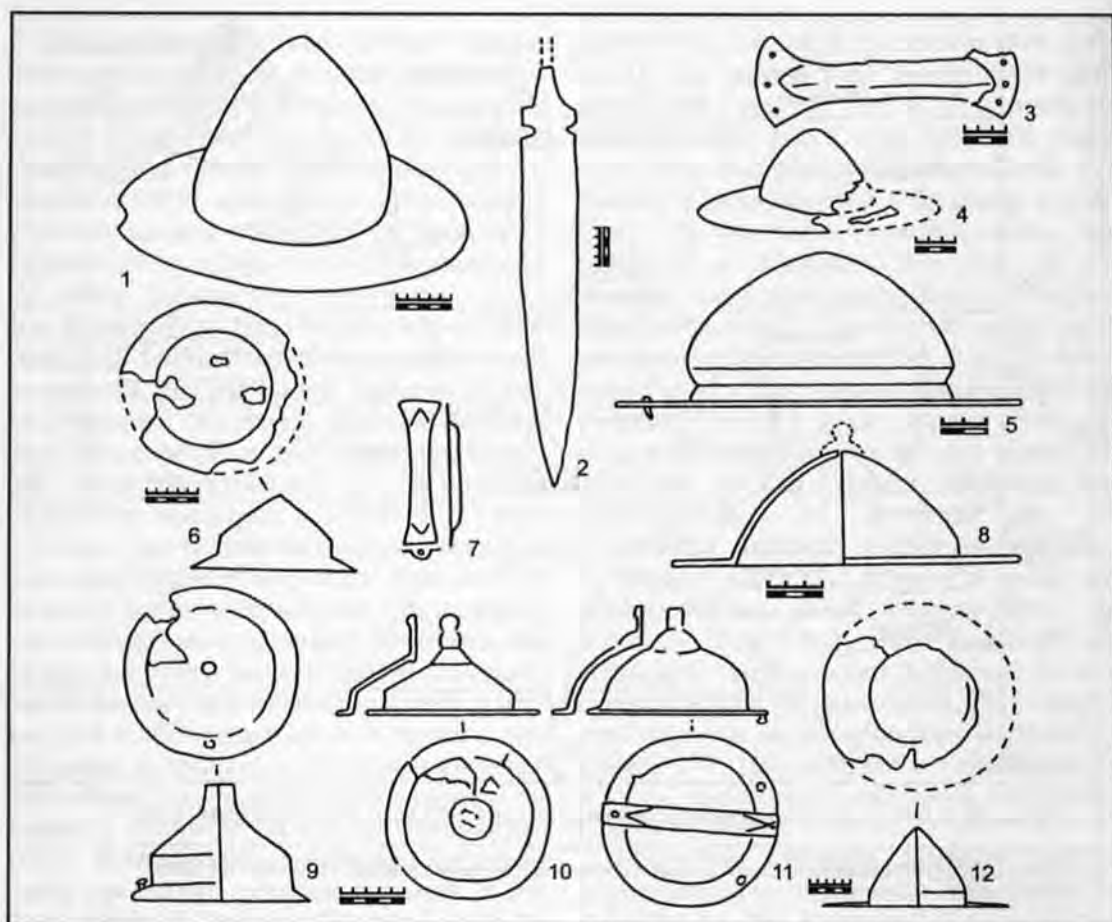

Рис. 5. Предметы вооружения III—IV вв. из Восточной Европы. 1 — Малаешты; 2 — Будешты; 3, 4 — Компанийцы; 5 — Виноградовка; 6, 7 — Чатыр-Даг; 8 — Южно-Донузлав; 9—12 — Танаис.

Fig. 5. Armaments from Eastern Europe of the 3rd — 4th centuries. 1 — Mălăești; 2 — Budești; 3, 4 — Kompaniecy; 5 — Vynogradovka; 6, 7 — Chatyr-Dag; 8 — Ujno-Donuzlav; 9—12 — Tanais.

сарматских погребений в Северном Причерноморье (рис. 5: 5) (Гудкова, Синчук, Фокеев 1983).

В IV в. появляются умбоны смешанных римско-германских форм, с низкой конической или полусферической калоттой и широкими полями. Таковы умбоны черняховской культуры (рис. 5: 1, 4) (см. напр. Федоров 1960: рис. 14: 1—3; Diaconu 1965: pl. XXI: 1, 2; Kropotkin 1976: Abb. 16: 1, 2) и крымских некрополей (рис. 5: 6) (см. напр. Мыц 1987: рис. 6: 4). В то же время типичные германские формы, с высокой конической калоттой и шипом, явно продолжают существовать, поскольку в IV в. они снова становятся многочисленными. Это типы Верман (Vermand) и Либенау (Liebenau), а также умбоны с фасетками и каннелюрами, типа Добродзень (Dobrodzien) (рис. 4). Последние, в частности, известны в Восточном Крыму, в Керченском некрополе, а также в Абхазии, в погребениях Цебельдинской долины (Kazanski 1988). Отличить римское и варварское

оружие не просто. В эпоху поздней Империи варвары становятся все более и более многочисленными в римской армии, в результате появляется воинская римско-варварская субкультура. Итак, эволюция вооружения проходила примерно одинаково у римлян и у варваров. Поэтому сейчас невозможно знать, кому, собственно, принадлежали умбоны Керчи или Цебельды — римлянам, германцам или автохтонному населению, имевшему контакты как с теми, так и с другими. Ответить на этот вопрос поможет изучение других элементов материальной культуры.

Приемы боя воинов, вооруженных позднеримским щитом, примерно 1 м в диаметре, если судить по иконографическим данным, с умбоном, имеющим низкую калотту, не идентичны технике схватки воинов, имеющих малый германский щит, диаметром 50—70 см, снабженный высоким остроконечным умбоном. В первом случае щит прижат к груди, он надежно прикрывает верхнюю часть туловища и боец сражается,

переходя от защиты к атаке, всегда прикрытый щитом. Такая техника более всего подходит для боя в сомкнутом строю. Во втором случае речь, несомненно, идет об индивидуальной схватке, в том виде, как ее ещё сравнительно недавно можно было наблюдать у хевсуров Кавказа. В 1976 г. фехтовальщик-любитель Сергей Левинсон смог посетить труднодоступные высокогорные селения Хевсурии. Здесь он познакомился со стариками, которые ему показали старинные приемы боя с мечом и щитом. Эти приемы были достаточно необычны: бойцы позиционируются лицом к лицу, на слегка подогнутых ногах, меч и щит скрещены и далеко выдвинуты вперед, они передвигаются скачками, удары молниеносны и неожиданны, с резкими поворотами, даже вращением всего тела вокруг собственной оси и пр. В какой-то степени эти приемы напоминают карате.

Вполне возможно, что возрождение ранних форм варварских умбонов во второй половине — конце IV в. свидетельствует о возрастающей роли индивидуального боя. Об этом же, на мой взгляд, свидетельствует и появление в позднеримское время некоторых новых типов оружия. Я имею в виду кинжалы и мечи с вырезами у рукояти, недавно изученные Р. Хархою (Harhoiu 1988)⁶. Они двулезвийные, сравнительно короткие, 30—40 см, с одним или двумя вырезами у рукояти (рис. 5: 2). Эти вырезы могли служить для фиксации гарды из органического мате-

риала (дерево, кость) или же для того, чтобы заблокировать лезвие меча противника в момент отражения атаки. Таким образом, в течение нескольких мгновений оружие противника будет «вне боя», что достаточно для ответного удара. Возможно, кинжал с вырезами являлся вспомогательным оружием и имел те же функции, что кинжалы, которые фехтовальщики XV—XVI вв. держали в левой руке⁷. Отметим, что в ряде погребений кинжал с вырезами сопровождал длинный меч, служивший, видимо, основным оружием.

По мнению Р. Хархою, большая часть закрытых комплексов с такими кинжалами принадлежит второй половине IV в., они довольно многочисленны на Северном Кавказе. Это время усиления алан, которые участвуют в 363 г. в войне Юлиана Отступника против персов (Аммиан Марцеллин, XXV.1.19), а также в других событиях эпохи Великого переселения народов. Очень соблазнительно связать распространение этих кинжалов с влиянием военного искусства алан. Однако такое заключение было бы слишком поспешным. Сегодня археология не располагает надежными методами этнической идентификации могил варварских воинов эпохи переселения. Большая часть предпринятых попыток в этой области не дала результатов. Учитывая смешанный характер всех варварских народов того времени, очень возможно, что и в дальнейшем такого рода исследования останутся безрезультатными.

Литература

- Айбабин А. И. 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н. э. В: *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 164—199.
- Античные государства Северного Причерноморья*. 1984. Москва: Наука.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1987. Раскопки Танаиса в 1981—1984 г. *КСИА* 191, 75—82.
- Блаватский В. Д. 1951. Харакс. *МИА СССР* 19, 250—291.
- Гороховский Е. Л. 1982. О группе фибул с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. В: *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. Киев: Наукова думка, 115—151.
- Гороховский Е. Л. 1982а. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. В: *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 125—140.
- Гороховский Е. Л. 1982б. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з вимчатою емаллю. *Археологія* 38, 16—36.
- Гороховский Е. Л. 1987. Сарматское погребение в Новых Сенжарах на Полтавщине. В: *Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию М. Я. Рудинского: тезисы докладов*. Полтава, 56—59.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Драчук В. С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Москва: Наука.
- Каришковский П. Й. 1962. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї. *Археологічні пам'ятки УРСР* XI, 102—121.
- Карышковский П. О. 1982. О монетах царя Фарзоя. В: *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 66—82.

⁷ Описание техники боя с дополнительным оружием в левой руке описано в учебниках фехтования XV—XVI вв. Эти учебники описывают еще один прием, известный у римлян в конце IV в. — парирование удара рукой, обернутой в плащ. Именно такая защита изображена в сцене амазономахия на серебряной амфоре из погребения в Концештах (см. Matzulevitch 1929: Taf. 42).

⁶ К каталогу Р. Хархою можно добавить находку на поселении черняховской культуры Будешты, в Молдове (рис. 5: 2) (Щербаква, Чеботаренко 1974: рис. 3: 1).

- Карышковский П. О. 1982а. Ольвия и Рим в I в. н. э. В: *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 6—28.
- Козак Д. Н. 1984. *Пишеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжжі*. Київ: Наукова думка.
- Козак Д. Н. 1985. Вельбарская культура. В: *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, 17—25.
- Корзухина Г. Ф. 1978. *Предметы убора с выемчатными эмальями V—первой половины VI вв. в Среднем Поднепровье*. САИ Е1—43. Ленинград: Наука.
- Литвинский Б. А. 1967. *Сармато-кангюйский фарн*. Душанбе.
- Мыц В. Л. 1987. Могильник III—IV вв. на склоне Чатырдага. В: *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 144—164.
- Орлов К. К. 1988. Ай-Тодорский могильник. В: *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 106—133.
- Свешников И. К. 1957. Могильник липицкой культуры в Львовской обл.: раскопки у сел Звенигород и Болотное. *КСИА* 68, 63—74.
- Слонов В. Н. 1989. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц. *СА* (1), 199—205.
- Терпиловский Р. В. 1985. Киевская культура. В: *Этнокультурная карта Украинской ССР*. Киев: Наукова думка, 51—59.
- Федоров Г. Б. 1960. Малаештский могильник. В: *Черняховская культура*. МИА СССР 82. Москва: Наука, 253—301.
- Гудкова А. В., Синчук Е. Ф., Фокеев М. А. 1983. *Отчет о работах Измайловской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г.* Рукопись. Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
- Щербакова Т. А., Чеботаренко Г. Ф. 1974. Усадьба на поселении первых веков н. э. у с. Будешты. В: *АИМ 1973 г.* Кишинев: Штиинца, 93—104.
- Щукин М. Б. 1979. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. *АСГЭ* 18, 79—92.
- Щукин М. Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 47, 35—38.
- Щукин М. Б. 1988. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей. В: *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса*. Севастополь, 136, 137.
- Щукин М. Б. 1989. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе. *СА* 1, 70—83.
- Dąbrowska T., Godłowski K. 1970. Grób kultury przeworskiej z Hromówki na Ukrainie. *Prace Archeologiczne* 12, 77—102.
- Diaconu Gh. 1965. *Țirgșor. Necropola din secolele III—IV e. n.* București.
- Godłowski K. 1970. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego.
- Godłowski K. 1976. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie środkowej. *Prace Archeologiczne* 22, 13—31.
- Godłowski K. 1984. "Superiores Barbari" und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen. *Slovenská Archeológia* 32/2, 1984, 327—350.
- Harhoiu R. 1988. Das Kurzschwert von Micia. *Dacia* 32, 79—81.
- Herteig A. E. 1955. *Bidrag til jernalderens busetningshistorie på Toten*. Oslo.
- Hundt J.-J. 1952. Ein tauschiertes römisches Ringknaufschwert aus Straubing (Sorviodurum). *Festschrift des Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz* 3, 109—118.
- Hundt J.-J. 1955. Nachträge zu den römischen Ringknaufschwerten, Dosenorbänden und Miniaturschwert Anhängern aus germanischen Kriegergräbern. *Saalburg Jahrbuch* 14, 50—59.
- Jahn M. 1916. *Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr.* Würzburg.
- Kaczanowski P. 1988. Chronologija inkrustowanych grotów broni drzewcowej z okresu wpływów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricum. In: *Scripta Archaeologica*. Warszawa; Kraków, 75—78.
- Kazanski M. 1988. Quelques parallèles entre l'armement en Occident et à Byzance (IVe—VIIe s.). In: *Gaule mérovingienne et monde méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe—VIIIe siècles*. Lattes: Imago, 75—87.
- Kossinna G. 1905. Über verzierte Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. *Zeitschrift für Ethnologie* 37, 369—407.
- Kozak D. N. 1982. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr. *Germania* 60 (2), 533—545.
- Kropotkin V. V. 1977. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica- und Černjahov-Kultur. In: *Symposium Auskang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanische Besiedlung im Mittleren Donau-Gebiet*. Bratislava, 173—201.
- Matzulevitch L. 1929. *Byzantinische Antike*. Berlin; Leipzig.
- Raddatz K. 1961. Ringknaufschwerter aus germanischen Kriegergräbern. *Offa* 17—18, 26—56.
- Raev B. A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. *BAR International Series* 278. Oxford: BAR.
- Szczukin M. B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska. In: *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk: 135—162.
- Smiszko M. 1932. *Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej*. Lwów.
- Werner J. 1973. *Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa*. München.
- Werner J. 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjacow-Kultur zwischen Sereth und Dniester, und zu den "Reichtumzentren" auf Fünen. *Bonner Jahrbücher* 188, 241—286.
- Woląiewicz R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur. In: *Peregrinatio Gothica (Archaeologica Baltica 7)*. Łódź, 63—98.
- Zielonka B. 1958. Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. Aleksandrowskim. *Przegląd Archeologiczny* 10, 331—382.

Статья поступила в номер 2 мая 2011 г.

Mark Shchukin. Doctor of historical sciences.

Mark Shchukin. Doctor în științe istorice.

Щукин Марк Борисович. Доктор исторических наук.